

М.А. Давыдов

*д.и.н., профессор Научно-исследовательского университета –
Высшей школы экономики, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВИТТЕ–СТОЛЫПИНА И ЕЕ СПЕЦИФИКА¹

Аннотация. Традиционная отечественная историография в основном придерживается негативной интерпретации результатов реформы 1861 г. и последующих реформ Витте–Столыпина. Она согласуется с марксистским взглядом на Октябрьскую революцию как результат объективных классовых антагонизмов.

В данной работе приводятся статистические данные, опровергающие такую интерпретацию. Благополучие основной части населения царской России – крестьян – росло, чему способствовала не только земельная реформа 1861 г., но и проводимая правительством Витте индустриализация, и последующая столыпинская реформа, предоставившая крестьянам гражданские права и возможность выхода из прежней общины. Проведение реформ дополнялось достаточно эффективным административным сопровождением, ускоренным землеустройством.

Благополучие населения росло даже во время Первой мировой войны, тяготы которой Россия переносила более успешно, чем Германия и Австро-Венгрия. Приведенные данные убедительно свидетельствуют об ошибочности традиционного «объективистского» марксистского анализа причин и последствий революций 1917 г. Ими стали, в первую очередь, межэлитные противоречия, анализ которых выходит за рамки настоящей работы.

Ключевые слова: реформа, модернизация, индустриализация, благополучие, голод.

Классификация JEL: N00, N10, N50, N70.

Введение

Судьбы пореформенной модернизации России остаются остро дискуссионной проблемой. Идея ее несостоятельности, хотя и утратила прежнюю аксиоматичность, все же остается достаточно популярной. Это неудивительно – с одной стороны, на ее внедрение в сознание общества в течение без малого ста лет работал мощнейший пропагандистский аппарат, а с другой, среди историков и экономистов слишком много тех, чьи научные интересы прямо затрагивает противоположный взгляд.

Автор этих строк разделяет точку зрения, согласно которой пореформенная модернизация в целом протекала успешно, что позволило России к 1913 г. в значительной степени преодолеть отставание от передовых стран Запада, фиксируемое в середине XIX в. В первую очередь это произошло благодаря комплексу реформ, проводившихся С.Ю. Витте с конца 1880-х гг. до начала 1900-х гг., которые в свою очередь сделали возможными реформы П.А. Столыпина, прежде всего аграрную. Данные преобразования, придавшие новый мощный импульс развитию империи, при всех сложностях были настолько значимы и эффективны, что позволяют выделить внутри пореформенной модернизации России особый период и назвать его модернизацией Витте–Столыпина. Как представляется, речь идет не просто о двух сменяющих друг друга периодах реформ, а о двух взаимосвязанных

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 16-06-00288.

и взаимообусловленных стадиях процесса модернизации страны, прямо связанных с увеличением уровня свободы ее жителей и повышением уровня их благосостояния.

Мой тезис таков – модернизация Витте–Столыпина была временем весьма успешных социально-экономических и политических преобразований, которые превратили в конце XIX – начале XX в. Российскую империю в одну из самых динамично развивающихся стран в мире. Среди причин этого феномена²:

- ▶ модернизация торгового-промышленного и финансового законодательства, освободившая экономику от многих юридических стеснений предшествующего времени;
- ▶ поддержание протекционизма как необходимой меры для развития отечественной промышленности;
- ▶ динамичное строительство железных дорог, в сильнейшей степени стимулировавшее мощное развитие тяжелой промышленности;
- ▶ реформа железнодорожных тарифов;
- ▶ введение золотого обращения;
- ▶ активное привлечение иностранного капитала, что в большой мере позволило решить проблему финансовых источников индустриализации;
- ▶ реформа налогообложения промышленности и торговли, включая введение винной монополии;
- ▶ ряд мер, оптимизировавших функционирование отдельных отраслей народного хозяйства, реформа деятельности Крестьянского поземельного банка, государственных сберегательных касс, создание реальной системы профессионального образования и многое другое.

Эти меры, в совокупности во многом изменившие условия функционирования народнохозяйственного механизма России, способствовали расширению внутреннего рынка для промышленности, содействовали подъему крестьянского хозяйства и в конечном счете привели к созданию внутреннего потребительского рынка для промышленности.

1. Опыт России и Японии. Отношение элит к модернизации

Аграрная реформа Столыпина, уравнивавшая крестьян в правах с остальным населением и предоставившая им право собственности на землю, в свою очередь дала сильнейший импульс масштабным изменениям не только в народном хозяйстве, но и в жизни страны в целом. Реформа также способствовала преодолению кризисных явлений в аграрном секторе ряда губерний страны и заметно ускорила процессы стихийной интенсификации сельского хозяйства, начавшиеся в конце XIX в. В рассматриваемый период окончательно формируется всероссийский рынок – от Варшавы до Владивостока, от Петербурга и Архангельска до Карса и Ферганы.

В то же время очевидно, что эти успехи, несомненно, могли бы быть еще значительнее, если бы не априорное неприятие эффективной модернизационной модели значительной частью общества и элит (отчасти и правительством страны), а также их весьма активное сопротивление как идеям указанных реформ, так и их проведению. Данную мысль, полагаю, проще всего пояснить следующим сопоставлением.

В 1860-х гг. две империи – Российская и Японская – приступили к реализации собственных вариантов экзогенной модернизации. Считается, что усвоение достижений Запада России было необходимо для возвращения статуса великой державы, а Японии – для его завоевания.

² Далее они излагаются не в порядке значимости.

Напомню, что в течение 1868–1873 гг. в Японии были ликвидированы феодальная раздробленность и сословное неравенство, проведена аграрная реформа и стало всемерно поощряться частное предпринимательство, что в совокупности создавало необходимые предпосылки для быстрого развития капитализма. В 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность, окончательно подорвавшая позиции самураев. Была создана стройная административно-бюрократическая система управления, основанная на равенстве сословий, усилении роли казны и единой финансовой системы страны, подчиненных центру регулярных воинских подразделений. В ходе аграрных преобразований было уничтожено крупное феодальное землевладение, выкупленное государством на выгодных для знати условиях. В 1872 г. был легализован принцип частной собственности на землю: разрешена купля-продажа земли и проведена поземельная перепись, в ходе которой владельцы вместе с документами получали землю в собственность. Все крестьяне юридически были объявлены собственниками, хотя не все ими остались. В 1872 г. был принят либеральный закон об образовании, по которому мужчины и женщины всех сословий получили равное право на образование³. В начале 1880-х гг. появились первые политические партии, а в 1889 г. – парламент (История Японии, 1998. С. 29–76; см. также: *Дацзышен*, 2007; С. 113–134; *Дейноров*, 2011. С. 552–615; *Севастеев*, 2008. С. 154–161; *Теймс*, 2009. С. 178–190)).

Россия пошла иным путем.

Результаты обе страны сверили в 1904–1905 гг., и Япония, в считанные годы проведшая масштабные реформы, закончившие ее долгое средневековье, доказала состоятельность *своего* подхода к преобразованиям подобного рода. Почему так произошло? Ведь исходные позиции этих стран в 1860-х гг. казались несопоставимыми!

Едва ли не главная причина заключалась в том, что в мировоззрении российских и японских элит такие понятия, как «великая держава» и «сохранение самобытности», сочетались по-разному. Япония воплощала в жизнь продуманную *программу* всесторонних и притом *радикальных* преобразований, а Россия лишь модифицировала, пусть и весьма серьезно, многие, но далеко не все из ключевых аспектов своего бытия, за 50 лет так и не отважившись на ряд реформ, проведенных японцами.

Модернизация в классическом смысле подразумевает процесс перехода от аграрного общества к индустриальному. Характерная особенность российского варианта экзогенной модернизации состояла в том, что и правительство, и общество по многим причинам были против подобного перехода. Они видели Россию страной земледельческой, но отнюдь не промышленной, в том числе потому, что заводы и фабрики несут с собой капитализм и рожают такой опасный феномен, как пролетариат.

Это была причудливая смесь славянофильства и «смутно социалистических» идей (Б.Н. Чичерин). При этом новейший социализм удивительно гармонично сочетался с привычным российским патерналистско-крепостническим восприятием окружающего мира, что, впрочем, неудивительно, ибо в основе обоих явлений лежит принуждение и насилие. Как ни парадоксально, течение модернизации в России во многом определял именно этот смутный идейный багаж, а не объективные потребности развития страны, претендующей на роль мировой державы, поскольку с общественностью во многом было солидарно и правительство. Соответственно, вопрос о том, как оно при этом собиралось возвращать и поддерживать статус великой державы, оставался (и остается!) открытым.

Нужно ясно понимать, что уже к 1855 г. русское общество было, по меньшей мере, перекормлено ужасами раннего капитализма, о чем подробно писал еще М.И. Туган-Барановский. В отторжении капиталистического строя сходились и обитатели Зимнего

³ В 1886 г. было принято обязательное 4-летнее начальное образование, которое с 1900 г. стало бесплатным. К концу XIX в. уже около 85 % японских детей получали обязательное начальное образование. По этому показателю к началу XX в. Япония сравнялась с Великобританией.

дворца, и посетители явочных квартир. Поэтому в 1860-х гг. «настоящего» капитализма правительство «создать», с одной стороны, не могло, поскольку для этого было необходимо отказаться от того, что являлось основой государственной политики – сословно-тяглогового строя и предоставить населению общегражданские «буржуазные» свободы, в том числе и право собственности на землю, а с другой – оно искренне не хотело этого – по соображениям морально-нравственного свойства⁴.

В силу этого оно очень долго делало явно недостаточно для развития современной промышленности и практически ничего – вплоть до 1906 г. – для интенсификации сельского хозяйства, прежде всего, крестьянского. Десятилетия после 1861 г. русское общество провело в бесплодных дискуссиях о преимуществах артели, ассоциаций, кустарного производства перед фабрикой, которые (дискуссии) вполне наглядно демонстрируют инфантилизм общественного сознания и непонимание большей частью образованного класса особенностей ежедневно меняющегося мира. Нельзя здесь не вспомнить мысль, высказанную М.И. Туган-Барановским по этому же примерно поводу: «Общий строй русской жизни не благоприятствует успеху слишком трезвенных, реалистических программ» (Туган-Барановский, 1997. С. 518).

2. Южный экономический район как пример противоречивого отношения пореформенных элит к индустриализации

Яростные филиппики общественности в адрес индустриализации сопровождалась робкой, невнятной политикой правительства в торгово-промышленной сфере, что подтверждается, в частности, почти трагикомическими перипетиями становления производства рельсов и подвижного состава в России.

В свете данной информации не кажется случайностью, что во время войны 1877–1878 гг. Россия, в отличие от Турции, оказалась без современного флота. А ради чего тогда вся внешняя политика 15 лет строилась вокруг отмены условий Парижского трактата, которая с большой помпой произошла в 1871 г.? Помпой все и ограничилось – Россия не только не имела современного флота на Черном море, но и дальнобойной стальной артиллерии, а из пехотинцев лишь каждый пятый имел усовершенствованную винтовку «бердан № 2» (История СССР..., 1968. Т. V. С. 250).

Едва ли не самым ярким примером косности и инертности правительства, а также и российского бизнеса, является история возникновения Донецко-Криворожского бассейна, превратившего Новороссию в динамический центр отечественного народного хозяйства и сыгравшего ключевую роль в промышленном подъеме 1890-х гг. и индустриализации страны вообще.

⁴ Л.Е. Шепелев, оценивая торгово-промышленную политику царизма после 1861 г. в целом, справедливо считает, что «капитализм как буржуазный общественный строй (т. е. в современном нам широком понимании этого слова) не мог быть непосредственной целью политики царского правительства по классовым соображениям и не был такой целью в действительности.

Капиталистическая система хозяйства (но не система капиталистического хозяйства) – вот то единственное, что принималось правительственной политикой в качестве полезного элемента – средства достижения развития крупной промышленности в стране».

Правительство стремилось к развитию экономики, промышленности, в первую очередь крупной, и неизбежно развивавшийся при этом капитализм «был вынужденным средством достижения этой цели и платой за это. При этом имелось в виду, что политика правительства в ее конкретных проявлениях призвана не допустить или по крайней мере значительно смягчить проявление таких нежелательных явлений капиталистической системы хозяйства, как экономические кризисы, спекуляции, конфликты между трудом и капиталом и т. п.» (Шепелев, 1981. С. 19).

Предпосылки для этого были созданы простым фактом соединения рельсовым путем залежей железной руды у Кривого Рога и залежей угля в районе Юзовки через Екатеринослав в 1884 г. (до этого Джон Юз несколько лет возил железную руду на волах за примерно 450 верст). В 1885 г. общество Брянского завода, первым оценившее новую ситуацию, начало строить на Днестре возле Екатеринослава Александровский завод (позже – один из крупнейших в СССР Днепропетровский завод имени Петровского). Его первая домна выплавляла металл в 1887 г., и не случайно Л.Б. Кафенгауз именно этот год взял за точку отсчета в своей классической монографии «Эволюция производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.)» (Кафенгауз, 1994). В 1889 г. образовалось Южно-Днепровское металлургическое общество, построившее в 30 верстах от Екатеринослава в селе Каменском (знаменитом в советской истории Днепродзержинске) Днепровский завод (Брандт, 1898. С. 54–55) и началась цепная реакция строительства десятков (в сумме – сотен) новых предприятий в самых разных отраслях, что, в свою очередь, произвело переворот в сельском хозяйстве Новороссии.

Так возник Южный экономический район.

Однако началу движения по вновь построенному знаменитому мосту через Днепр в Екатеринославе в 1884 г. предшествовала многолетняя эпопея пионера открытия железных руд Кривого Рога А.Н. Поля, которая сама по себе служит свидетельством неблагоприятия в экономической политике правительства. Высококачественную железную руду Польша открыл в 1866 г., вскоре она успешно прошла экспертизу европейских геологов и металлургов. А затем Польша, выкупивший месторождение, 15 лет бесплодно скитался по канцеляриям и приемным Петербурга, пытаясь обратить высокое внимание правительства и российского бизнеса на свое открытие и его громадные перспективы для России. Он категорически не хотел привлекать для освоения Кривого Рога иностранные капиталы. Одновременно он также безуспешно ратовал за строительство железной дороги Екатеринослав – Кривой Рог.

Министерство государственных имуществ только в 1875 г. соизволило отправить инспекцию для проверки, подтвердившей, что Криворожье – «второй Урал». Но это не подвинуло дело вперед. Отдав полтора десятка лет важнейшему для страны делу и пройдя до конца весь путь пророка, которого отечество считало как бы за «городского сумасшедшего», разорившийся А.Н. Польша⁵, достал «под тройной вексель и за какие-то баснословные проценты 1000 р.» у ростовщиков и в 1880 г. уехал в Париж (там же. С. 53–54). Оттуда он вернулся миллионером.

Прежние антагонисты, порицатели и насмешники стали яркими поклонниками и восхвалителями. Польша внес в банки Екатеринослава более 500 тыс. руб., погасив свои долги и вернув домой бесценную коллекцию. В Париже Польша встретился с французским предпринимателем-железнодорожником, директором «Железнодорожного общества Париж–Лион» и владельцем крупных металлургических заводов в Алжире Поленом Талабо (Paulin Talabot). Тот оказался куда прозорливее российского истеблишмента и всех отечественных «капитанов бизнеса», вместе взятых, и моментально оценил идеи нашего героя. Талабо сразу же согласился на основание закрытого акционерного общества «Криворожское анонимное общество минеральных железных руд» («Societe anonyme des minerals de fer de Krivoi-Rog») с уставным капиталом в размере 5 млн франков. За сутки было выпущено 10 тыс. акций стоимостью 500 франков каждая. Дирекция нового общества состояла из французов и российских подданных в равном соотношении. Польша стал не только крупнейшим акционером, но и одним из директоров общества (Линднер, 2009. С. 192). В Кривом Роге началась добыча руды, а в экономической истории России – новый период.

⁵ А.Н. Польша – богатый помещик, обладатель уникальной коллекции древностей, которая легла в основу экспозиции Екатеринославского музея, к 1880 г. стал банкротом, поскольку все, что было связано с продвижением его проекта (изыскания, экспертизы, приглашения иностранных специалистов, издания книг и т.д.) финансировал за свой счет.

Если бы в правительстве империи того времени были люди, подобные С.Ю. Витте, идеи А.Н. Поля материализовались бы раньше. Можно предположить также, что если бы Кривбасс и Донбасс были соединены рельсами до войны 1877–1878 гг., – а это был абсолютно реальный вариант, – судьба индустриализации в России была бы иной, поскольку предпосылки для промышленного подъема были бы созданы раньше. Ведь ходатайство о строительстве железной дороги, которая соединила бы угольные шахты Донбасса и криворожскую железную руду и дала бы эти грузам выход на запад путем соединения с Харьковско-Николаевской железной дорогой, Польша возбудил еще в начале 1870-х гг. Он был человеком государственного ума и потому еще в 1873 г. советовал, в частности, построить в Николаеве судостроительный завод, что было сделано, однако, лишь в 1895 г. (знаменитый «Наваль»).

Вслед за Полем начало хлопотать о строительстве железной дороги и Екатеринославское губернское земство, а затем Польша повторил свое ходатайство. Наконец, 22 апреля 1875 г. проект дороги был Высочайше утвержден. Однако до начала войны с Турцией дело не сдвинулось, и эти неспешные темпы решения насущнейших народнохозяйственных проблем – еще одна иллюстрация упомянутого выше подхода правительства. А затем «наступившая война 1877–1878 годов... заставила отодвинуть на задний план... интересы внутренней политики. По окончании войны проект постройки указанного железнодорожного пути был совершенно забыт, и новые ходатайства Поля долгое время оставались безуспешными, и только наступивший затем ряд неурожайных годов в Екатеринославской губернии и необходимость доставить голодающему населению средства к прокормлению себя подали правительству мысль приступить к постройке испрашиваемой А.Н. Полем и Екатеринославским земством железной дороги» (По Екатерининской..., 1903. С. 23). Характерно, что и тогда «значение разрешенной к постройке дороги весьма многими подвергалось сомнению» (Из архива С.Ю. Витте, 2003. С. 24).

Трудно представить, чтобы во второй половине XIX в. в любой из ведущих стран мира такая несложная с технической точки зрения задача, как строительство 400 км железной дороги в степи, решалась свыше 10 лет. Позже Н.Г. Гарин-Михайловский, замечательный писатель и инженер-путеец, начинавший строительство Транссиба, отчасти повторит эпопею Поля, добиваясь разрешения на сооружение первой в стране узкоколейной железной дороги в Самарской губернии. Станным образом этот «антииндустриализм» русского общества в нашей историографии обделен вниманием⁶, и во многом именно поэтому, полагаю, так невнятно в отечественной литературе описывается история промышленности до 1890-х гг., где все сводится к трудностям ее «мучительной перестройки» после 1861 г. на новый лад.

С.Ю. Витте в 1907 г. (!) констатировал: «Вообще вопрос о значении промышленности в России еще не оценен и не понят. Только наш великий ученый Менделеев, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику... Конечно, когда он был жив, говорили, что он пишет так, потому что подкуплен, заинтересован» (там же), «даже распускали инсинуации, что будто бы он, поддерживая в различных своих статьях и книгах промышленность и видя в ней всю будущность России, находится чуть ли не на откупе у некоторых промышленников, что, конечно, была злостная клевета!» (там же. Т. 1. Кн. 1. С. 134–135).

Многолетняя ожесточенная критика промышленной политики С.Ю. Витте представителями разных идейно-политических течений (там же. Кн. 2. С. 47–48), а затем – еще более яростная – и преобразований П.А. Столыпина, прежде всего, аграрной реформы, с одной стороны, свидетельствует об архаичности мышления русского общества, а с другой – позволяет квалифицировать модернизацию Витте–Столыпина как «модерниза-

⁶ Полемика первых марксистов с народниками как-то не связывается с этим сюжетом.

цию вопреки», которая тем не менее обеспечила России мировое первенство по темпам роста в рассматриваемое 20-летие – 6,65% в год. При всем том «и после реформ Витте Россия оставалась страной, в которой не было подлинной свободы предпринимательства» (Ананьич, Ганелин, 2000. С. 90). При этом не подлежит сомнению, что мы говорили бы теперь об ином варианте развития Российской империи, если бы не то, что можно назвать «чудом Витте», т.е. поразительные обстоятельства его прихода во власть, сопоставимые, на мой взгляд, лишь с «чудом Сперанского». Мы как-то забываем обо всей не лишенной элементов мистики истории возвышения С.Ю. Витте, а между тем она никак не вытекала из его предшествовавшей жизни и деятельности. Во всяком случае, элемент случайности в том, что С.Ю. Витте оказался в Петербурге и вскоре стал министром, на мой взгляд, очень велик; то же, кстати, относится и к П.А. Столыпину. И, напротив, во многом закономерно то, что они смогли сделать далеко не все из того, что было ими задумано. Едва ли была сфера, в которой они реализовали бы свои планы полностью.

Роль Витте в индустриализации России была огромна. Я не буду останавливаться подробно на этой теме, которая достаточно освещена в литературе. Важно констатировать следующее. Витте, безусловно, многое удалось – его деятельность в громадной степени способствовала развитию страны. Стоит напомнить, что в сфере крестьянского вопроса он добился ликвидации круговой поруки и телесных наказаний и *реально* во многих аспектах подготовил аграрную реформу Столыпина.

Ему многое удавалось и удалось сделать, однако же, повторюсь, далеко не все из задуманного и жизненно необходимого стране он смог реализовать, и даже после его отставки с поста министра финансов Россия не стала страной с полной свободой предпринимательства.

3. Негативистские мифы о результатах реформы 1861 г. и реформах Витте

Однако и проблемы аграрного развития страны, как известно, решались отнюдь не в модернизационном ключе, чему были глубокие причины. Ни власть, ни общество не были готовы расстаться с сословным строем и уравнильно-передельной общиной, еще в середине века ставшей мифом национального самосознания. Модифицированное крепостническое восприятие окружающего мира не позволяло множеству представителей образованного класса воспринимать крестьян как равноправных социальных партнеров. Идея предоставления им права частной собственности на обрабатываемую землю, которое во всех странах было основой цивилизованного порядка и благосостояния населения, громадным большинством людей, умеющих читать, воспринималась как ересь.

Между тем правительственная политика, основанная на искусственной поддержке общины как структуры, якобы гарантирующей, что в России не появится пролетариат, обеспечивающей крестьянам прожиточный минимум, а стране – политическую стабильность, тормозила прогресс в аграрной сфере; о том, что власть до строительства Транссиба препятствовала переселению крестьян, равно как и эмиграции, можно и не упоминать (Бруцкус, 1922. С. 70). Естественным следствием такой политики стало проявление кризисных явлений в сельском хозяйстве ряда губерний – прежде всего расположенных между Волгой и Днепром.

Развитие отечественной промышленности после 1861 г. – при всех его бесспорных успехах – справедливо оценивается как недостаточное для отвлечения из деревни огромного, в силу демографического взрыва, прироста населения. Характерно, что оба эти факта в литературе и учебниках просто констатируются как некая априорная данность, вроде господства континентального климата на большей части Европейской России. Однако вышесказанное позволяет оценить их субъективную составляющую, порожденную прави-

тельственной политикой и общественной атмосферой. Прав был М.И. Туган-Барановский, который писал: «Административная регламентация и мелочные стеснения, на которые наша промышленность наталкивается на каждом шагу, вызывают огромное трение, которое существенно тормозит поступательный ход нашей промышленности».

Еще и до настоящего времени сохранила свое полное значение та оценка условий русской жизни, задерживающих наше промышленное развитие, которая была дана более 40 лет тому назад... Н.Г. Чернышевским... Эти условия нашей общественной жизни Чернышевский определил одним словом «азиатство». «Азиатство», а отнюдь не недостаток рынка мешает нам подвигаться столь же быстро по пути промышленного прогресса, как, например, Германии» (Туган-Барановский, 1997. С. 376–377). В то же время именно уравни-тельно-передельная община в огромной степени стимулировала демографический взрыв после 1861 г.

Конечно, общественные настроения, породившие неприятие модернизационной модели, изживаются и преодолеваются непросто, однако успешный ход модернизации Витте–Столыпина показал, что это вполне возможно. Полученные автором этих строк в последние годы результаты демонстрируют явную несостоятельность ряда ключевых положений парадигмы кризиса и пауперизации населения страны после 1861 г., а значит, и всех попыток представить «обнищание народных масс» основным итогом «системного кризиса самодержавия» и главным фактором революции 1917 г.

1. Еще в 2003 г. мной было установлено, что так называемый «голодный экспорт» хлеба в конце XIX – начале XX в. – пропагандистский миф, не находящий подтверждения в статистике урожаев, перевозок и потребления хлеба. Имперское правительство, в отличие от СНК СССР, не обладало монополией внешней торговли и не имело рычагов, позволяющих выкачивать хлеб из деревни. Экспорт, как всегда и бывает в странах с рыночной экономикой, был частью хлебной торговли, причем статистика недвусмысленно показывает значительный рост внутреннего рынка и в течение рассматриваемого периода (Давыдов, 2003. С. 81–239).

2. Тезис о недостоверности урожайной статистики ЦСК МВД, на материалах которой в большой мере основан пессимистический подход к проблеме потребления населения, получил серьезное подкрепление в новых статистических и нарративных источниках (Давыдов, 2016. С. 49–97). Это вновь подчеркивает, что опирающиеся на данную статистику рассуждения о крестьянстве, которое якобы на протяжении полувека балансировало «на грани голода», не выдерживают ни малейшей критики⁷. Мифологический характер идеи «голодного экспорта» вполне доказывает тот факт, что в 1894–1913 гг. среднегодовой прирост питейного дохода в 1,7 раза превышал среднегодовой прирост стоимости всего хлебного экспорта, а сумма питейного дохода за данный период превысила стоимость всего вывоза хлеба на 13,5% (там же. С. 110–112). Принципиально важно при этом, что правительство Российской империи в неурожайные годы никогда не бросало население страны на произвол судьбы, как это было после 1917 г., и уж тем более не устраивало смертный голод намеренно, как это было в 1932–1933 и 1946–1947 гг. Существовавшая государственная система продовольственной помощи в рассматриваемый период не раз доказывала свою эффективность. На поддержку пострадавших от неурожая тратились гигантские суммы – порядка 500 млн руб. за 1891–1908 гг., 88,1% которых пришлось на 15 черноземных губерний с наиболее сильным общинным режимом (а также Псковскую) (Ермолов, 1909. С. 7–28). Правительство фактически принимало на себя ответственность за стихийные бедствия, поскольку регулярно списывало с крестьян подавляющую часть продовольственных долгов.

⁷ Не касаюсь того обстоятельства, что подобные нелепости могут писать только люди, которые не испытывали такого чувства даже в течение недели.

3. Не выдержал верификации один из ключевых постулатов негативистской историографии о росте недоимок после 1861 г. как объективном показателе падения уровня жизни крестьян. Свыше 90% процентов недоимок по окладным сборам стабильно приходилось на те же 16 общинных губерний, которые одновременно были главными получателями государственной продовольственной помощи. Именно наличие уравнильно-передельной общины в первую очередь и определяло указанные негативные явления в российской деревне. Проведенный на уровне уездов анализ статистики землевладения и податной статистики в этих наиболее задолженных губерниях показал, что ни размеры крестьянских платежей, ни величина недоимок *не зависели* от площади крестьянских наделов (в частности, от пресловутого малоземелья), а определялись другими факторами, прежде всего несовершенством созданной в 1861 г. системы крестьянского самоуправления, частью которой стало податное дело, основанное на круговой поруке. Неплатежи стали своего рода формой самозащиты общинников от несправедливой податной системы и не являются доказательством снижения жизненного уровня подавляющего большинства крестьян, тем более, что весьма видное место среди должников занимали зажиточные хозяева, в том числе и представители крестьянской администрации (Давыдов, 2016. С. 151–222). Некорректно рассматривать так называемые «вынужденные осенние продажи» хлеба лишь в налоговом контексте и забывать, что осень была временем окончания годовичного сельскохозяйственного цикла, сопряженного с месяцами наибольшей брачности населения (там же. С. 223–226).

4. Анализ вышеуказанных проблем продемонстрировал наличие весьма острой герменевтической проблемы – «семантической инфляции» используемой терминологии, которая прямо влияет на делаемые историками выводы. Жители Российской империи в конце XIX – начале XX в. в понятия «голод», «нужда», «непосильные платежи», «насилие», «произвол» и т.п., которые для негативистской историографии являются ключевыми при описании дореволюционной России, вкладывали не совсем тот смысл, как сейчас.

Особенно показателен в этом плане термин «голод». До революции 1917 г. он служил для обозначения любого крупного неурожая хлебов в нескольких губерниях (в том числе и считающегося смертным голодом в 1891–1892 гг., совпавшего с эпидемией холеры, которая и унесла основную часть жертв), при котором автоматически начинал действовать «Продовольственный устав» и жители пострадавших районов получали от государства продовольственную помощь.

В более широком контексте «голод» широко употреблялся для характеристики *любого* дефицита. В литературе, в публицистике и в аналитических текстах можно встретить такие словосочетания, как «сахарный голод», «металлический голод», «хлопковый голод», «нефтяной голод», «дровяной голод», «мясной голод» и т.д. (там же. С. 837).

Такова была языковая норма, вытекавшая из дореволюционной системы координат «плохо/хорошо». В каждый исторический период у живущего поколения есть своя система негативных ценностей, в которой ранжированы и определенным образом вербализованы отрицательные явления окружающей действительности – сообразно с мерой представлений эпохи и жизненных впечатлений живущих в это время людей.

После 1917–1922 гг. эта система на глазах одного поколения радикально изменилась, неизмеримо ужесточившись. Перечисленные термины получили новое и куда более страшное наполнение. Так, «голод» стал обозначать смертный голод с людоедством. Для громадного большинства жителей нашей страны самая первая ассоциация с этим словом – голод блокадного Ленинграда, а затем – голод 1920–1921 гг. и 1932–1933 гг.

Но до 1917 г. источники описывают *принципиально иную* ситуацию – неурожай, сопровождавшийся продовольственной помощью правительства, но советскими и постсоветскими историками эти недороды – иногда по недопониманию, но чаще преднамеренно – трактуются (и соответственно их читателями воспринимаются!) уже *в меру этого нового знания*, полученного в советскую эпоху, т. е. именно как реальный смертный голод с людо-

едством. Это привело к серьезнейшим деформациям наших представлений о прошлом. Неисторики, как правило, и вовсе не подозревают о существовании в дореволюционной России системы государственной продовольственной помощи. Если не осмыслить данный феномен всерьез, если не ввести жесткую поправку на «семантическую инфляцию», то можно оставить мысль о том, что мы имеем сколько-нибудь адекватное представление об истории России после 1861 г.

Недопустимо, чтобы недороды конца XIX – начала XX в. и блокадный голод Ленинграда именовались одинаково. Сказанное, безусловно, относится и к другим перечисленным терминам негативного спектра.

Если столыпинская аграрная реформа была «насилием», то как квалифицировать коллективизацию и методы, с помощью которых она проводилась? Если дореволюционная деревня была разорена, то какими терминами мы будем характеризовать раскулаченную деревню с законом «о колосках» и другими подобными «шедеврами» «социалистического гуманизма»?

5. Транспортная статистика фиксирует мощный рост как грузового, так и пассажирского движения, что для страны с рыночной экономикой является безусловным показателем подъема народного хозяйства и растущего благосостояния ее населения. Перевозки всех грузов (кроме перевозимых поштучно) выросли с 2,5 млрд пуд. в 1894 г. до 8,0 млрд пуд. в 1913 г., т.е. в 3,2 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32,7 тыс. км в 1894 до 69,2 тыс. км в 1913 г., т.е. в 2,1 раза (Сводная статистика перевозок ... за 1903 год, 1905; ... за 1913 год, 1915; Дробижев, Ковальченко, Муравьев, 1973. С. 257). При этом по сравнению с 1894–1900 гг. среднегодовая перевозка всех грузов в 1901–1908 гг. выросла на 43,8%, а в 1909–1913 г. – более чем удвоилась (рост на 109,6%) (Давыдов, 2016. С. 322–341). Число поездок пассажиров по общему и пригородному тарифам за 1894–1913 гг. увеличилось в 5,0 раз, а за 1906–1913 гг. – в 2,0 раза, в том числе количество поездок взрослых пассажиров I–IV классов по общему тарифу за те же периоды выросло соответственно в 3,3 и в 2,3 раза. Политика правительства в сфере пассажирского движения внесла весомый вклад в развитие модернизации страны, усиливая процесс интеграции между частями империи (там же. С. 344–358).

6. Успешное течение модернизации Витте–Столыпина, сопровождавшееся ростом благосостояния значительной части населения, подтверждается статистикой сберегательного дела (там же. С. 359–422). Она показывает значительное увеличение числа вкладчиков и суммы сбережений в конце XIX – начале XX в., причем это в первую очередь относится к представителям низших социальных слоев общества. В 1897 г. в стране с населением 126,4 млн чел. насчитывалось 2,3 млн сберкнижек, на которых хранилось 412 млн руб. (28,3% бюджета империи в 1458 млн руб. (Министерство..., 1902. Т. 2. С. 646–647)); т.е. сберкнижки были примерно у 9–10% семей, исходя из среднего ее размера в 6 человек. При этом сельское население, численность которого составляла 109,8 млн чел., обладало лишь 430 тыс. сберкнижек с 77,7 млн руб. (это примерно 2,35% семей и 18,7% всех сбережений).

В 1913 г. на 175,1 млн жителей России приходилось 8,6 млн книжек, на которых находилось 1550 млн руб. (45,3% бюджета империи в 3420 млн руб.); т.е., по тому же расчету, порядка 30% семей страны хранило деньги в сберегательных кассах. Сельское население увеличилось до 148,8 млн чел. и теперь оно держало на 2546,6 тыс. книжек 480,2 млн руб.; число крестьянских семей, имевших сберкнижки, выросло примерно до 10,3% (Давыдов, 2016. С. 363). Другими словами, если население империи увеличилось за 1897–1913 гг. в 1,4 раза, то число книжек и сумма вкладов на них – в 3,8 раза. Численность сельского населения выросла в 1,3 раза, число же крестьянских книжек – в 5,8 раза, а сумма вкладов – в 6,2 раза. При этом вкладчики, проходившие в статистике сберегательного дела по категориям «земледелие и сельские промыслы», «городские промыслы», «фабрики, заводы, рудники», «услужение» и «нижние чины», в 1897 г. в сумме имели 1133,4 тыс. книжек со

173,9 млн руб., а в 1913 г. – соответственно 5173,6 тыс. и 867,7 млн руб., т.е. число принадлежавших им книжек выросло в 4,6 раза, а сумма вкладов – в 5,0 раз. Если книжки вкладчиков этих категорий в 1897 г. составляли 49,8% всех книжек, то в 1913 г. – уже 60,1%, а доля их вкладов повысилась с 42,2 до 56,0% (там же. С. 364–374).

Важно отметить, что более чем в 30-ти губерниях доля крестьянских семей, имевших сберкнижки, превышала 10%, в 14-ти – 20%, а в Ярославской, Тверской, Московской, Эстляндской, Костромской и Владимирской – была выше 30%; в Ярославской губернии она составила 68,1%, в Тверской – 47,4%⁸. При этом крестьяне ряда губерний Центрально-Черноземного района, Малороссии, Юго-Запада, Новороссии и Предкавказья предпочитали вкладывать сбережения в кредитные кооперативы, которые за счет более высоких процентов по вкладам и отсутствия ограничений по их сумме с началом реформы Столыпина успешно конкурировали со сберегательными кассами (там же. С. 387–406). В совокупности эти факты переводят проблему крестьянского благосостояния в совершенно иную плоскость, неизвестную традиционной историографии.

Железнодорожная статистика, динамика сберегательного дела, а также вкладной операции в кредитных кооперативах подтверждают точку зрения Л.Н. Литошенко, согласно которой к концу XIX в. аграрный сектор страны справился с кризисными явлениями благодаря выделению слоя крупных хозяйств (15–20% общего их числа) с повышенными доходами, которые создали внутренний рынок для отечественной промышленности.

Таким образом, совокупность проанализированных источников приводит к выводу о том, что ключевые постулаты традиционной историографии, призванные демонстрировать безысходное якобы положение отечественной деревни, не подтверждаются фактами, а часто просто противоречат им.

Следовательно, пессимистический взгляд на социально-экономическое развитие России в конце XIX – начале XX в. во многом несостоятелен.

7. Однако это не означает, что имеющиеся свидетельства тяжелого положения части крестьян – даже с учетом «семантической инфляции» – неверны и их следует игнорировать. Я далек от мысли заменить старый миф новым. В ходе исследования был сделан принципиальный вывод об отсутствии противоречий между негативным и позитивным массивами данных об уровне жизни и потребления населения России в конце XIX – начале XX в. (там же. С. 827–840).

В рамках классового черно-белого подхода, призванного доказать неизбежность «Великого Октября», это противоречие неразрешимо. Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники (при этом, повторяю, пессимистические описания жизни части общинных крестьян должны оцениваться с обязательной поправкой на «семантическую инфляцию»). Это противоречие исчезает, как только мы перестаем путать проблему положения крестьянского хозяйства в пореформенной уравнительно-передельной общине с проблемой народного благосостояния. Они, разумеется, отчасти налагаются друг на друга, но далеко не идентичны.

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами, получаемыми со своего надела. Второй же показатель складывался из всей суммы доходов населения, и применительно к крестьянству он равен сумме доходов от надела и вненадельных заработков, прямо учесть которые мы не в состоянии, но о которых можем судить косвенно. Ведь динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих социальное и экономическое развитие России, и – взятые в комплексе – все они

⁸ Напомню, что некоторые вкладчики могли иметь на свое имя две сберкнижки – одну на вклады до востребования и вторую на вклады условные (они делились на вклады «до совершеннолетия», «на погребение», «с другими назначениями»). На условные вклады приходилось порядка 3% всех книжек и суммы вкладов. (Отчет государственных..., 1916. С. 22).

неоспоримо свидетельствуют о позитивной динамике потребления населения Российской империи, что вполне естественно. Нужно только помнить, что миллионы крестьян в той или иной форме принимали участие в экономической модернизации и индустриализации. Население страны получало деньги за производство товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных (и одновременно было их покупателем!), за то, что участвовало в железнодорожном, промышленном, городском строительстве, за работу на перевозившем все больше грузов транспорте (железнодорожном, речном и морском) и в сфере разнообразных услуг и пр. Это отчасти отражалось в росте акцизных доходов, динамике вкладов в сберегательные кассы и кредитные кооперативы, увеличении транспортировки потребительских товаров и т.д. И следует помнить, что каждый пуд из сотен миллионов, фигурирующих в статистике производства, торговли и перевозок, был неоднократно оплачен.

То, что негативистская историография до сих пор подменяет проблему народного благосостояния проблемой положения крестьянского хозяйства в рамках уравнилельно-передельной общины, – прямое следствие неизжитой в умах исследователей натурально-хозяйственной концепции, этого весьма примитивного продукта восприятия социалистических идей в пореформенной России. Данная теория, во-первых, ставит крестьянские доходы в прямую связь с площадью наделов, игнорируя при этом количество и качество прилагаемого к земле труда, а также фактор интенсификации; априори предполагается, что крестьянин сведущ в агрономии и весьма трудолюбив. Именно отсюда вытекает тезис о малоземелье как главной причине «бедствий» деревни – ведь наделы не увеличиваются в соответствии с ростом населения.

Во-вторых, натурально-хозяйственная концепция отвергает рынок как одну из «язв капитализма» и исходит из тезиса, что крестьянское хозяйство должно быть натуральным – во избежание «эксплуатации человека человеком». Внеаделные заработки крестьян в рамках этой логики безоговорочно осуждаются и трактуются только как свидетельство упадка, а не как, например, показатель стремления крестьян увеличить свой доход. Крестьянство в силу этого как бы перестает участвовать в модернизации, и это не случайно, ибо народники не воспринимали народное хозяйство как единое целое и на модернизацию смотрели как на временную досадную помеху (там же. С. 838–840).

Разумеется, экономическая ценность этой теории приближается к минус бесконечности. Поразительно, однако, что именно она является главным источником не только народнической трактовки аграрного вопроса до 1917 г., но и взглядов многих современных исследователей, стоящих на традиционных позициях. Из нее вытекает также и кажущееся противоречие между негативным и позитивным массивами данных о положении российской деревни после 1861 г. Отказ историков от натурально-хозяйственной концепции, полагаю, является как необходимым условием, так и здоровой основой для объективного переосмысления социально-экономической ситуации в дореволюционном аграрном секторе.

8. Для понимания смысла процессов, происходивших в аграрном секторе России в конце XIX – начале XX в. чрезвычайно важна концепция, выдвинутая Л.Н. Литошенко. В той мере, в какой железнодорожные перевозки являются отражением состояния промышленности, сельского хозяйства и торговли в стране с рыночной экономикой, имеющиеся данные свидетельствуют о значительном прогрессе народного хозяйства страны в 1894–1913 гг. Все отрасли, исключая нефтяную, развивались весьма интенсивно. Это касается отраслей и группы А, и группы Б, и сельскохозяйственного производства (в том числе и технических культур), сельскохозяйственной обрабатывающей промышленности. Следовательно, можно уверенно говорить о росте не только производства, но и народного потребления – перевозки потребительских и продовольственных товаров в течение рассматриваемого периода неуклонно увеличиваются. И это отражает факт фундаментальной важности в истории нашей страны, упорно не замечаемый негативистской историографией, а именно – начавшееся разрешение кризисных явлений в сельском хозяйстве ряде губерний.

5. Реформы Витте–Столыпина в оценках Л.Н. Литошенко, А.Н. Челинцева и других российских историков

Для понимания рассматриваемой эпохи (и, в частности, для адекватной оценки статистики перевозок и сберегательного дела – но не только!) исключительно важное значение имеет точка зрения Л.Н. Литошенко о путях разрешения казавшихся непреодолимыми кризисных явлений в российской деревне, выражавшихся в аграрном перенаселении в ряде губерний (Литошенко, 2001. С. 121–122)⁹. По его мнению, это получилось в результате естественного процесса расслоения крестьянства, в ходе которого в его среде выделилась значительная (не менее пятой части общего их числа) группа хозяйств, которая своими силами преодолела тенденции к бесконечному дроблению и создала объективные предпосылки для развития внутреннего рынка и промышленности (там же. С. 122–123).

Анализ крестьянских бюджетов привел автора к выводу о том, что в семьях с наибольшим доходом круг житейских и бытовых потребностей, равно как и степень их удовлетворения, заметно расширился по сравнению с семьями, получавшими меньший доход, что отражалось в увеличении доли продуктов, покупаемых на рынке, а не производимых в своем хозяйстве. Выросли запросы деревни относительно одежды, обуви, «предметов комфорта», а также состава пищи – «прочное место в меню крестьянского стола занимает белая мука, рис, сахар, чай, водка, приправы и пряности». Экономическая дифференциация деревни, по мнению Литошенко, «удачно» разорвала порочный круг слабого развития внутреннего рынка для промышленности и аграрного перенаселения. Потребности крестьянства возросли и усложнились, что оживило спрос на продукцию промышленности, получившей в деревне все возрастающий круг массовых потребителей «с определенными вкусами и регулярным спросом на предметы массового потребления и средства производства». Это, наконец, расширило внутренний рынок до размеров, необходимых для полноценного развития индустрии (там же. С. 123–128).

Здесь, кроме прочего, принципиально важно, что Литошенко говорит не о тех, кого тогдашняя пресса именovala «кулаками» и «мироедами», не о тех, кто держал деревню в руках и манипулировал сельскими сходами. «Мироеды» считались единицами, а 15–20% крестьян – это прежде всего многосемейные «трудоуые хозяйства».

Челинцев в 1910 г., опираясь на показатели организационного строя хозяйства (распространенность методов поддержания плодородия почвы (залежи, пара, унаваживания), культуры кормовых трав, корнеклубнеплодов, сравнительной численности крупного рогатого скота, свиней и овец), показал, как в 1890–1900-х гг. эволюционировали в пространственном аспекте типы организации сельского хозяйства. Он проследил, как, двигаясь с востока на запад и в нечерноземной, и в черноземной полосе, сменяют друг друга районы с повышающейся интенсивностью – от «экстенсивной залежной полужерновой, полускотоводственной системы и кончая интенсивной плодосменной», причем «каждый более интенсивно организованный район мог рассматриваться как грядущая стадия развития для смежного низшего. Все вместе взятое говорило о поступательном, прогрессивном движении сельскохозяйственного производства в прошлом – движении, на пути коего разные районы к данному времени достигли разных пунктов. Вследствие этой разницы в организации сельскохозяйственного производства и производительность земли оказывается, неодинаковой. Чем интенсивнее первая, тем выше вторая» (Челинцев, 1928. С. 13).

Уже к 1900 г. Россия начинает абсолютно и относительно вывозить больше продукции интенсивных отраслей сельского хозяйства – льна, сахара, масла, яиц (там же. С. 25).

⁹ Я намеренно не углубляюсь в требующую отдельного рассмотрения тему «аграрного кризиса», которая, в частности, требует специального анализа особенностей словоупотребления (см. также: (Грегори, 2003. С. 29–37)).

И в дальнейшем этот процесс будет только нарастать. Данные Челинцева в большой мере иллюстрируют процесс стихийной интенсификации крестьянского хозяйства, начавшийся в XIX в., и одновременно дополняют точку зрения Литошенко.

О благотворном воздействии развития промышленности на аграрный сектор можно судить на примере Донбасса (Давыдов, 2016. С. 307). Растущему фабрично-заводскому и городскому населению, пишет Литошенко, было необходимо продовольствие и сельскохозяйственное сырье, что привело к появлению «выгодной для земледелия конъюнктуры цен и рыночных условий» (Литошенко, 2001. С. 128–129). Таким образом, между промышленной индустрией и аграрным сектором установился необходимый обмен услугами и материальными ценностями. «Сельское население постепенно и, по крайней мере, относительно, разрежалось, соотношение между семьей, доходом и обрабатываемой площадью показывало более устойчивые и нормальные пропорции» (там же. С. 129).

Наконец, в крестьянском хозяйстве появился чистый доход, достигающий нередко 20% общей суммы натуральных и денежных расходов (там же. С. 128). Эти излишки стали «источником накопления мелких капиталов, тонкими струйками стекавших в кредитные учреждения или непосредственно обращавшихся на расширение и улучшение сельскохозяйственного производства» (там же. С. 129). Следствием указанных процессов, отмечает автор, стало улучшение общего экономического положения России.

Этот безусловно фиксируемый в 1900-х гг. прогресс в то же время «в значительной мере» был и результатом «рациональной экономической политики. Старое правительство довольно скоро разгадало природу поразившего сельское хозяйство недуга и меры лечения, предпринятые им, оказали свое действие» (там же. С. 131). И здесь Литошенко, как и Б.Д. Бруцкус, выделяет реформы Витте и аграрные преобразования Столыпина. Финансово-экономические реформы Витте стали «одним из наиболее удачных приемов смягчения кризиса аграрной перенаселенности». Прежде всего, индустриализация отвлекла от земледелия часть избыточного населения, которое концентрировалось в основном в нижних strataх крестьянства. А налоговая система Витте, опиравшаяся на рост косвенных налогов, а значит, на деревню, привела к результатам, о которых не думали его многочисленные критики.

«На первый взгляд крестьянин», – пишет Л.Н. Литошенко, – «вынужденный платить высокие акцизы на сахар, чай, водку, спички и другие продукты, казался в сильном проигрыше. В действительности взятые у него государством “последние крохи” косвенным путем приносили сельскому хозяйству несравненно большую пользу, чем если бы они оставались в распоряжении мелких производителей. Государство нашло выгодное и производительное применение для собранных у населения средств» (там же. С. 131–132).

Вся деятельность Витте – от строительства ряда основных железнодорожных магистралей, введения золотого обращения, укрепления системы государственного и частного кредита до выгодных торговых договоров, протекционистского таможенного тарифа, казенных заказов и многого другого – вызвала в конечном счете, считает автор, бурный расцвет отечественной промышленности.

А затем началась аграрная реформа Столыпина, открывшая простор инициативе и предприимчивости крестьянства. Конечно, и покупка земель у Крестьянского банка или через его посредничество, и переселение в Сибирь способствовали решению аграрного вопроса. Однако главную роль сыграло освобождение нравственных и физических сил крестьянства из-под гнета общины.

То, что значительная часть крестьян внутренне была к этому готова, подтверждается формированием, как говорилось, значительной группы хозяйств, вполне обеспеченных землей и капиталами и начавших стихийную интенсификацию сельского хозяйства еще до реформы: «все это свидетельствовало о том, что молекулярный процесс оздоровления крестьянского хозяйства уже начался» (там же. С. 136).

Столыпинская аграрная реформа, условно говоря, открыла шлюз энергии отечественного крестьянства, привела в движение громадный массив находившихся вне рынка общинных земель, результатом чего стал последующий подъем сельского хозяйства вплоть до Первой мировой войны, находящий подтверждение в самых разных источниках, в том числе и в цифрах перевозок.

По своему масштабу аграрные преобразования Столыпина не имели аналогов в мировой истории. Конечно, можно сказать, что площадь земель, полученных жителями США по Гомстед-акту, была значительнее, однако он и действовал не 10 лет, а более ста – с 1862 г. до конца XX в.; знаменитые «Земельные гонки» имели место в 1889–1895 гг. При этом невозможно сопоставлять степень сложности нарезки на участки пустой прерии и землеустройства в давно населенной местности с огромной чересполосицей и дальнотельем, как это было в Европейской России и даже в Сибири.

Уникальность российских аграрных преобразований была ясна уже непредвзятым современникам. В официальном издании ГУЗиЗ приводится выдержка из «последнего капитального труда о русском землеустройстве, вышедшего в 1913 году в Германии», автор которого К.А. Вит-Кнутсен замечает: «Всякий непредубежденный, ознакомившийся с основными линиями новой русской аграрной реформы, не может не вынести впечатления, что мы тут стоим перед глубоко задуманной земельной реформой, с широким размахом проводимой в жизнь. Более того: следует признать, что изданные после 1905 г. русские аграрные законы не имеют себе равных во всемирной аграрной истории как по принципиальной важности их, так и по ходу их осуществления».

Правда, благотворные последствия проводимых реформ для русского крестьянского хозяйства обнаружатся не сразу, а воздействие их на условия сельскохозяйственного производства других стран Старого Света, быть может, заставит себя ждать еще долго. Но нельзя отрицать (это было бы непризнанием явных фактов и истин аграрной политики), что мы имеем дело с решительным, коренным поворотом к лучшему в истории русского сельского хозяйства. Громадные же размеры русского колосса и, более, его способность к развитию, заставляют думать, что тут началась постепенная передвигка центра тяжести европейской хозяйственной жизни к востоку» (*Bauernfrage und Agrarreform in Russland*. Munchen, 1913. P. 180 (цит. по: (ГУЗиЗ, 1914. С. 28)).

Проведенное исследование позволяет рассматривать аграрные преобразования Столыпина как основанный на предоставлении крестьянам де-факто полноты гражданских прав целостный масштабный процесс реформирования аграрного сектора российской экономики, который включал:

1) радикальное расширение площади крестьянской частной земельной собственности благодаря укреплению наделной земли в собственности, а также покупке земель у Крестьянского поземельного банка и при его посредничестве;

2) переструктурирование крестьянского землепользования путем землеустройства, охватившее гигантскую территорию в Европейской и Азиатской России, равную по площади современным Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии.

3) агротехнологическую революцию, т.е. повышение уровня крестьянского земледелия, его производительности и материального благосостояния путем интенсификации крестьянского хозяйства. Освобождение его от пут архаичного общинного земельного права само по себе должно было стимулировать инициативу и предприимчивость крестьян. Параллельно, благодаря соединенным усилиям правительства и земств, стремительными темпами стало расти агрономическое просвещение крестьян;

4) развитие всех видов кооперации, сделавшее Россию одним из мировых лидеров кооперативного движения. Кредитная кооперация инвестировала в деревню миллиарды рублей. Десятки тысяч кооперативов с десятками же миллионов участников стали абсолютно новым и весьма значимым компонентом жизни страны. Настолько значимым, что

после краха «военного коммунизма» Ленин вынужден был задуматься о плане построения социализма через кооперацию.

5) новую переселенческую политику;

6) начало реализации грандиозного по замыслу и размаху плана освоения Азиатской России, а также ее интеграции в жизнь страны и во всероссийский рынок; позже этот план был как бы экспроприрован советской властью, которой по незнанию и «иным соображениям» мы и приписываем его авторство.

По сути же Столыпинская аграрная реформа начала (не более и не менее) *мирное, эволюционное* – но притом ускоренное – социальное, экономическое и во многом культурное переустройство Российской империи в целом. Полагаю, так быстро и масштабно жизнь страны не менялась со времени Великих реформ, если не эпохи Петра I.

Преобразования прямо, хотя и не в равной степени, затрагивали все пять сфер, в которых, как считается, происходит совокупность модернизационных процессов, – политическую, социальную, культурную, экономическую и психологическую. Следствием этого стало, в частности, начало постепенного изменения антирыночной и антимодернизационной ментальности значительной части населения страны.

Напомню, что до 1 января 1916 г. в Землеустроительные комиссии поступили ходатайства о землеустройстве от 6,2 млн домохозяев-крестьян, живших в 222,9 тыс. земельных единиц. При этом для 3,8 млн дворов, или 62,1%, были произведены обследования на местах и предварительные землемерные работы, т.е. «закончена подготовка», для 2,9 млн, или 46,4%, выполнены землеустроительные работы в натуре, и в отношении 2,4 млн дворов, или 38,2%, последние юридически были завершены. В стране появилось около 1,5 млн индивидуальных крестьянских хозяйств.

При этом число ходатайств о землеустройстве в 1912–1915 гг. превосходит показатели 1907–1911 гг. на 34,5%, а число утвержденных проектов – на 75,1%, что само по себе снимает вопрос о якобы «провале» преобразований.

Площадь завершенных и подготовительных землеустроительных работ составила 34,3 млн дес., или 374,7 тыс. кв. км, что равно сумме территории современных Италии и Ирландии. Если же добавить к этой цифре 10 млн дес., купленных крестьянами у Крестьянского банка и при его посредничестве, и, как минимум, 20 млн дес. землеустройства в Сибири (на деле – больше), то мы получим 64 с лишним млн дес., т.е. 700 тыс. кв. км, что равно площади Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии вместе взятых. И все это землеустроители и землемеры сделали – формально – за 9 полевых сезонов, из которых лишь немногие могут считаться нормальными! Ведь реформа, с одной стороны, была как бы подожжена революцией 1905 г., а с другой – Мировой войной.

Источники свидетельствуют при этом, что личностные качества членов Землеустроительных комиссий являлись очень важным фактором, определявшим ход реформы в отдельных губерниях и уездах и, следовательно, количественные показатели землеустройства. Хотя преобразования с самого начала оказались в эпицентре политических страстей, вызвав весьма серьезное сопротивление общества, в том числе и со стороны ряда правительственных чиновников, включая земских начальников (!), тем не менее в целом они протекали успешно. Анализ материалов обследования «Землеустроенные хозяйства» позволяет сделать вывод о том, что землеустройство действительно создавало внешние предпосылки для подъема крестьянского хозяйства за счет радикального сокращения чересполосицы и уменьшения дальноземелья, способствовало рациональной реорганизации сельскохозяйственной территории единоличных хозяйств и прогрессивной перестройке их экономического строя (Давыдов, 2016. С. 579–591). Важно отметить, что землеустройство автоматически повышало цену крестьянской земли – по крайней мере в полтора раза (Кофод, 1914. С. 171; Бруцкус, 1922. С. 192).

За годы реформы 2,5 млн крестьянских дворов укрепило землю в собственность. Надельная земля вошла в рыночный оборот, и 4 млн дес. земли сменило владельцев (История СССР..., 1968. Т. VI. С. 379). Землю продавали переселенцы, создавая тем самым начальный капитал для обустройства на новых местах, покупатели земли у Крестьянского банка, осевшие в городах крестьяне и т.д. Уникальны по объему были и операции Крестьянского поземельного банка, при посредничестве которого, согласно его отчетам, было куплено 10012,7 тыс. дес. «крестьянской земли» (Проскуракова, 2002. С. 345–346) (площадь современной Болгарии). Нельзя в связи с этим не вспомнить высказывание Б.Д. Бруцкуса о том, что, в отличие от бесплатной раздачи земли крестьянам, которую планировали кадеты и социалисты, процесс земельной мобилизации при участии Банка «привел к переходу земли из рук плохих хозяев (т.е. помещиков, – М.Д.) не в руки всякого случайного крестьянина, а в руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за надлежащее ее использование» (Бруцкус, 1922. С. 109–110).

Переселенческая политика позволила, как минимум, 2,7 млн чел. начать новую жизнь в Азиатской России; существует обоснованное мнение, что эту цифру нужно повысить до 3,3 млн чел. (Тюкавкин, 2001. С. 263–269). Реформа Столыпина дала начало агротехнологической революции в России. Благодаря правительственным ассигнованиям развернулась масштабная агрономическая помощь, на которую за 1910–1913 гг. было израсходовано больше средств, чем за 1895–1909 гг., – 49,6 против 47,3 млн руб. Только железнодорожные перевозки сельхозмашин и орудий, которые в 1905 г. составили 12,8 млн пуд., в 1909 г. увеличились уже до 21,5 млн пуд., а в 1913 г. – до 34,5 млн пуд., т.е. выросли с начала реформы в 2,7 раза, а перевозки минеральных удобрений – с 14,7 млн пуд. в 1905 г. до 23,5 млн пуд. в 1909 г., и до 37,2 млн пуд. в 1913 г., т.е. выросли в 2,5 раза.

Численность правительственного и земского агрономического персонала, пришедшего в деревню, далеко превысила 10 тыс. чел. Были открыты тысячи прокатных станций сельскохозяйственной техники и зерноочистительных пунктов, организованы многие тысячи показательных полей и участников, а также образцовых хуторов и т.д. В годы реформы во многом был преодолен порог базового недоверия крестьянства к агрономии и к специалистам по сельскому хозяйству вообще. Благотворное влияние преобразований отражается и в губернской статистике возникновения учреждений мелкого кредита и сельскохозяйственных обществ в 1905–1915 гг. Она показывает гигантский, беспрецедентный – на порядок и более, благодаря усилиям правительства, – рост кооперации в годы Столыпинской реформы (Давыдов, 2016. С. 640–686), сделавший Россию одним из мировых лидеров кооперативного движения. Кооперация охватила десятки миллионов людей – к осени 1917 г. до половины жителей страны (Корелин, 2009. С. 366). Землеустроительные комиссии за 1907–1915 гг. выдали ссуд и безвозвратных пособий на 34,3 млн руб. (Отчетные сведения, 1915. С. 24; 1916. С. 25), домообзаводственные и путевые ссуды, полученные переселенцами за 1906–1914 гг. Переселенческого управления составили 75,9 млн руб. (Обзор..., 1909. С.12, 1910. С. 23, 1911. С. 9, 1913, С. 12; Переселение..., 1915. С. 29), а всего – 110,2 млн руб.

Между тем только кредитные кооперативы за 1906–1913 гг. выдали крестьянам ссуд на 1912,3 млн руб., т.е. в 17, 4 раза больше (без Польши и Прибалтики, где реформа официально не проводилась; учет показателей этих районов увеличивает ссуды до 2,5 млрд руб.) Эта сумма в 5,3 раза превышает затраты правительства за землеустройство и переселение и в 5,8 раз – стоимость всех сельхозмашин и орудий, импортированных в Россию за 1906–1913 гг. (Давыдов, 2016. С. 705–706). А.П. Корелин считает, что всеми кооперативами в целом «только за предвоенное пятилетие в сельское хозяйство и кустарные промыслы было инвестировано около 3 млрд руб., что не только послужило поддержкой для сотен тысяч крестьянских хозяйств в сложный период столыпинских преобразований, но и способствовало агрикультурной и агротехнической модернизации наиболее предприимчивой части деревни» (Корелин, 2009. С. 369).

За годы реформы благосостояние населения страны, как указывалось ранее, значительно выросло. Число сберкнижек в государственных сберегательных кассах выросло на 60,5% – с 5,4 до 8,6 млн, а сумма вкладов на них – на 63,9% – с 945,4 до 1549,8 млн руб. При этом количество крестьянских книжек увеличилось на 82,3% – с 1,4 до 2,5 млн, а вкладов на них стало больше на 83,4% – с 261,9 до 480,2 млн руб. Однако следует иметь в виду, что в 1913 г. сумма вкладов в кредитных и ссудо-сберегательных товариществах равнялась 363,2 млн руб., увеличившись с 1 января 1905 г. в 11 раз (Давыдов, 2916. С. 677–679).

Позитивное воздействие преобразований на развитие сельского хозяйства страны и, в частности, на его интенсификацию подтверждается анализом железнодорожных грузовых перевозок сельскохозяйственной продукции и статистики его экспорта, который демонстрирует уверенный опережающий рост транспортировки и вывоза продукции полуинтенсивных и интенсивных отраслей сельского хозяйства в 1906–1913 гг. как по абсолютной, так и по относительной величине (там же. С. 812). Особо следует отметить тот факт, что реформа позитивно повлияла и на положение той части крестьянства, которая должна была предлагать на рынке свои рабочие руки. Источники свидетельствуют, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих после 1905 г. повсеместно увеличивается, в том числе и на важнейшем сельскохозяйственном рабочем рынке – в южнорусских степях (там же. С. 811). До 1909 г. этот рост еще можно было объяснять параллельным ростом цен на хлеб, однако он продолжался и позже, когда эти цены стабилизировались. На фоне роста спроса на рабочие руки их предложение резко пошло на убыль. Проанализированные Я.Я. Полферовым материалы анкетного обследования «Торгово-промышленной газеты» в значительной степени связывают этот феномен с результатами реформы Столыпина, поскольку вновь возникшие хутора и отруба поглощают гораздо больше сил, чем чересполосные участки, переселение в Сибирь прежних рабочих, покупка безземельными и мало-земельными крестьянами наделных и банковских земель (Полферов, 1913. С. 37–43). «Приведенные данные о положении рынка труда на юге служат решающим показателем не только прогрессивного развития русского народного хозяйства, но и благотворного его влияния на ликвидацию явлений перенаселения в той массе черноземного крестьянства, хозяйственный кризис которого и составлял корень аграрного вопроса в России» (Бруцкус, 1922. С. 127–129). В итоге реформа стала важнейшим фактором промышленного подъема 1909–1913 гг.

И это было только начало. А.А. Кофод со знанием дела полагал, что землеустройство рассчитано примерно на 50 лет (Кофод, 1997. С. 197). Разнообразные источники фиксируют, что в российской деревне началось довольно быстрое изменения трудовой этики, что вполне естественно – отношение к труду не могло не измениться после того, как крестьяне начали хозяйствовать на своей собственной земле.

Специального внимания заслуживают действия правительства. В течение 1907–1908 гг. была изменена первоначальная стратегия Столыпинской аграрной реформы. Если в 1906 г. главной задачей считалась продажа крестьянам банковских, казенных и помещичьих земель (при посредстве Крестьянского банка), а также переселение крестьян в Азиатскую Россию, то в 1908 г. стало ясно, что стержнем преобразований станет внутринадельное землеустройство. Аграрная реформа началась в условиях острого дефицита кадров; нехватка землемеров – лишь одна из сторон проблемы. Тем не менее, когда, вопреки ожиданиям, на первый план выдвинулось землеустройство, что привело к значительным изменениям в структуре преобразований, ГУЗиЗ в целом успешно справилось с этим, в невиданно короткий срок обучив тысячи землемеров. Оно привлекло к участию в реформе тысячи представителей образованного класса самых разных политических взглядов, сделав их своими союзниками (вольными или невольными, постоянными или временными – сейчас неважно), сумев найти общий знаменатель совместной деятельности – желание сдвинуть деревню «с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной».

Это позволяет говорить о значительных позитивных ресурсах правительственного механизма, о его способности мобильно перегруппироваться, перестроиться в интересах стратегической концепции реформ, несмотря на неизбежные неудачи и потери. На момент начала Первой мировой войны в Землеустроительных комиссиях работали порядка 11–12 тыс. сотрудников (РГИА, ф. 408, оп. 1. д. 957, л. 2). Численность правительственного агрономического персонала составила в 1913 г. 9935 чел. (в 1909 г. их было 2810) (ГУЗиЗ, 1914. С. 7) и 3,2 тыс. земских агрономов, свыше 800 гидротехников, а всего порядка 24 тыс. чел. Одновременно в 1913 г. в сельскохозяйственных учебных заведениях – высших, средних и низших – обучалось свыше 21 тыс. будущих специалистов по сельскому хозяйству. Таким образом, в реализации реформы прямо и косвенно участвовали, не считая кооператоров, не менее 45 тыс. чел., что сопоставимо с численностью офицерского корпуса Российской империи в 1914 г. (48 тыс. офицеров, врачей и чиновников). И это было лишь начало¹⁰.

Следовательно, за годы реформы внутри образованного класса России сформировался слой людей, специальностью которых стало мирное переустройство российской деревни, а в более широком смысле – приобщение крестьян к новой жизни. Такие результаты являются выдающимися в любом случае, особенно с учетом того, что в 1906–1908 гг. все начиналось буквально с нуля, с 200 землемеров и неуккомплектованных за недостатком кадров Землеустроительных комиссий. Ведь страна – по «гамбургскому счету» – не была готова ни к реформе, ни к тому, что преобразования примут *такой* масштаб, поскольку ее правительство вело *абсолютно* противоположную политику в течение более чем 40 лет после 1861 г.

Повторюсь, правительство оказалось на высоте своего положения, и конкретная история реформы подтверждает эту мысль.

Заключение

За всеми этими впечатляющими цифрами нельзя забывать *главного*, того, что ими не измеряется – факта обретения 5 октября 1906 г. ста миллионами крестьян полноты гражданских прав, т.е., попросту говоря, – *свободы* распоряжаться собой и своим достоинством по собственному усмотрению. С самого начала реформа была принципиально нацелена на масштабное сотрудничество с общественностью, с местными силами везде, где это было необходимо и возможно, на преодоление извечной оппозиции «мы – они», возникшей в русском обществе в эпоху Николая I и резко усилившейся в начале XX в. В ходе реализации реформы начала складываться новая модель взаимоотношений правительства и общества.

Реформа в считанные годы начала преображать Россию. Она значительно усилила процессы интенсификации отечественного сельского хозяйства и стала мощным фактором выдающегося промышленного подъема 1909–1913 гг. Во многом благодаря ей промышленное производство и народное потребление стали развиваться в определенной гармонии. Экономический рывок, сделанный Россией в ходе модернизации Витте–Столыпина, был огромен. Напомню, что средний темп промышленного роста России в конце XIX – начале XX в., согласно расчетам П. Грегори, подтвержденным Л.И. Бородкиным (*Грегори*, 1999. С. 471–490; *Бородкин*, 2009. С.84–93), составил 6,65%, в силу чего страна в этот период была «абсолютным рекордсменом как по темпам роста промышленного выпуска, так и по темпам роста производительности труда» (*Грегори*, 1999. С. 488). Эти народнохозяйственные успехи сами по себе изменяли политическую ситуацию в стране, что прекрасно понимали все оппозиционные политики, начиная с вождя мирового пролетариата В. И. Ленина.

¹⁰ При этом мы знаем, что не все они были сторонниками реформы и деятельно поддерживали ее.

Однако индекс модерности сознания населения страны, если бы его можно было измерить, далеко отставал бы от индекса промышленного развития. Это и понятно – слишком долго и правительству, и большей части общества средневековая психология крестьянства казалась национальным достоянием, не говоря о тактических удобствах такой психологии для управленческих целей, и поэтому они с энтузиазмом консервировали ее после 1861 г. Правительство очнулось после 1905–1906 гг., и все, что мы знаем об антропологической составляющей аграрной реформы Столыпина, позволяет говорить о том, что в этой сфере начались серьезные сдвиги.

Выдающиеся результаты, с которыми Россия встретила новый 1914 г., не означали, что у нее не было проблем. Были – как и во всякой стране с населением в 175 млн чел. и огромной территорией. Однако они явно не были связаны с ухудшением положения и благосостояния народа и, тем более, с его обнищанием, как нас уверяют почти сто лет. Страна вступила в Первую мировую войну, находясь на пике экономического, в том числе и промышленного, подъема. Новейшие исследования доказывают, что трудности Первой мировой войны империя переживала легче, чем ее противники, в первую очередь, Германия. Б.Н. Миронов доказывает, что «только Россия не испытывала серьезных проблем с продовольствием. Во всех воюющих странах положение с продовольствием было гораздо хуже, чем в России, в том числе во Франции и Англии, не говоря уже о Германии и Австро-Венгрии» (Миронов, 2012. С. 576–578). Л.И. Бородкин констатирует рост реальной заработной платы рабочих вплоть до 1917 г. (Бородкин, 2016).

Л.Н. Литошенко демонстрирует, что война опровергла все пессимистические прогнозы относительно ее влияния на сельское хозяйство и жизнь деревни, которые были популярны в первые недели военных действий (Литошенко, 2001. С. 148, 151, 153, 157, 161). «Не будет преувеличением сказать, что, если бы мировая война не окончилась для России революцией, русское сельское хозяйство начало бы свой путь послевоенного развития от более высокой точки, чем та, на которой его застала война» (там же. С. 164).

Есть и другие свидетельства того, что отнюдь не бытовыми проблемами, в том числе и питания, исчерпывалась жизнь людей в 1914–1916 гг. Напомню, в частности, что с 1 января 1914 г. до 1 января 1916 г. число кредитных кооперативов увеличилось на 2423, а количество их членов – на 1817,2 тыс. чел. (т.е. на 18,6% и 22% соответственно). В 1913 г. число сберкнижек выросло на 515,8 тыс., за 1914 г. – на 248,8 тыс., за 1915 г. – на 714,7 тыс., а за первые полгода 1916 г. – на 1028 тыс., т.е. больше, чем за 1914 и 1915 гг. вместе взятые. На 1 января 1914 г. в сберегательных кассах насчитывалось 8609 тыс. книжек, а на 1 июля 1916 г. – 11013 тыс. (Отчет..., 1916), т.е. на 27,9% больше. Если в 1913 г. было открыто 548 новых государственных сберегательных касс, в 1914 г. – 500, а в 1915 г. – 802, то за январь–сентябрь 1916 г. – 2730 (!). В итоге на 1 октября 1916 г. в России числилось 12585 сберегательных касс, т.е. на 4033 кассы (на 47,1%) больше, чем на 1 января 1914 г. (там же. С. 4–5). Иными словами, за неполных три года число сберегательных касс выросло почти в полтора раза!

Полагаю, это совсем недурные, а главное – весьма неожиданные показатели для страны – участницы тотальной войны, мобилизовавшей самую большую в мировой историю армию – порядка 14 млн мужчин, многие из которых были главами семейств. Эти цифры как-то плохо сочетаются с образом доведенного до отчаяния, до безысходности и т.п. народа. Порог сжимаемости потребностей населения России, об эластичности которого дает представление советская история, к началу 1917 г. далеко не был достигнут. Так что не в «обнищании народа», не в «системном кризисе самодержавия» надо искать причины революции 1917 г., а в конфликте элит, как весьма убедительно показано С.В. Куликовым (Куликов, 2009. С. 115–183).

В любом случае позитивный факт модернизации Витте–Столыпина ломает привычную схему развития страны в конце XIX – начале XX в. и демонстрирует, что Россия была способна вполне успешно идти в сторону построения правового государства и полноцен-

ного гражданского общества. Этот путь, несомненно, был бы долгим и трудным, однако **не невозможным**. И определенно не труднее, чем путь «построения социализма в одной, отдельно взятой стране».

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. (2000). Сергей Юльевич Витте и его время. СПб: Дмитрий Буланин.
- Бородкин Л.И. (2016). Динамика уровня жизни российских рабочих в годы Первой мировой войны: новые подходы, новые оценки // *Revue des études slaves*. Т. 97. №2. С. 141–162.
- Брандт Б.Ф. (1898). Иностраннные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. В 2 ч. Ч. 2. СПб: Тип. В. Киршбаума.
- Бруцкус Б.Д. (1922). Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг.: Право.
- Грегори П. (1999). Поиск истины в исторических данных // *Экономическая история*. Ежегодник. С. 471–490.
- Грегори П. (2003). Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН.
- ГУЗиЗ. (1914). Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб.
- Давыдов М.А. (2003). Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М.: РГУ. С. 81–239.
- Давыдов М.А. (2016). 20 лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. СПб.: Алетейя.
- Дацышен В.Г. (2007). Новая история Японии. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Дейноров Э. (2011). История Японии. М.: АСТ: Астрель.
- Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. (1973). Историческая география СССР. М.: Высшая школа
- Ермолов А.С. (1909). Наши неурожаи и продовольственный вопрос. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Тип. В. Киршбаума. С. 7–28.
- Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. (2003). СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Т. 2. Рукописные заметки.
- История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. (1968). М.: Наука. Т. V–VI.
- История Японии. (1998). В 2 т. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН.
- Кафенгауз Л.Б. (1994). Эволюция производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Эпифания.
- Корелин А.П. (2009). Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М.: Росспэн.
- Кофод А. (1914). Русское землеустройство. СПб.: Сельский вестник.
- Кофод К. (1997). 50 лет в России. М.: Права человека.
- Куликов С.В. (2009). «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы. СПб.: Нестор.
- Линднер Р. (2009). Предприниматели и город в Украине: 1860–1914 гг. (Индустриализация и социальная коммуникация на Юге Российской империи). Киев–Донецк: ЧП «ИД Кальмиус».
- Литошенко Л.Н. (2001). Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Министерство финансов. 1802–1902. (1902). СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг. Т. 2.
- Миронов Б.Н. (2012). Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М.: Весь мир.
- Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. (1909). СПб.
- Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. (1910). СПб.
- Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1910 г. (1911). СПб.
- Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. (1913). СПб.
- Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 год. (1916). Пг.
- Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. (1915). Пг.
- Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. (1916). Пг.
- Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. (Отчет о работах Переселенческого Управления за 1914 г.) (1915). Пг.: Главное управление землеустройства и земледелия.
- По Екатерининской железной дороге. (1903). Вып. 1. Екатеринослав.
- Полферов Я.Я. (1913). Сельскохозяйственные рабочие руки. СПб.
- Проскуракова Н.А. (2002). Земельные банки Российской империи. М.: РОССПЭН.
- РГИА, ф. 408, оп. 1. д. 957, л. 2.
- Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. (1905). Вып. 52. СПб.
- Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. (1915). Вып. 54. СПб.

- Севастеев В.В. (2008). Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета.
- Теймс Р. (2009). Япония. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард.
- Туган-Барановский М.И. (1997). Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука.
- Тюкавкин В.Г. (2001). Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли.
- Челинцев А.Н. (1928). Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый агроном.

Давыдов Михаил Абрамович
mdhist@gmail.com

Mikhail Davydov

doctor habilitatus in history, professor of National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

mdhist@gmail.com

MODERNIZATION OF VITTE- STOLYPIN AND ITS SPECIFICITY

Abstract. As usual, in traditional Russian historiography use to the negative interpretation of the results of the reform both of 1861 and the subsequent reforms of Witte and Stolypin. This interpretation is consistent with the Marxist view of the October Revolution as the result of objective class antagonisms.

In this paper, statistical data are presented that refute the negativistic interpretation. The welfare of the main part of the population of tsarist Russia – the peasants – grew, which was facilitated not only by the land reform of 1861, but also by the Witte government's industrialization, and the subsequent Stolypin reform, which granted the peasants civil rights and the possibility of seceding from the former land commune. The implementation of the reforms was supplemented by quite effective administrative support and the fast land planning.

The welfare of the population grew even during the First World War, the hardships of which Russia tolerated more successfully than Germany and Austria-Hungary. The data cited convincingly testify to the mistakenness of the traditional "objectivist" Marxist analysis of the causes and consequences of the revolutions of 1917. The causes of revolutions, first of all, were inter-elite contradictions, the analysis of which goes beyond the framework of this work.

Keywords: *reform, modernization, industrialization, welfare, hunger.*

JEL Classification: N00, N10, N50, N70.

REFERENCES

- According to the Catherine Railroad. (1903). Issue. 1. Ekaterinoslav.
- Ananiych B.V., Ganelin R.S. (2000). Sergey Yulyevitch Witte and his time. SPb: Dmitriy Bulanin.
- Borodkin L.I. (2009). About the rate of industrial growth in pre-revolutionary Russia: the modernization context of the discussion // The civilizational uniqueness of Russian modernizations: the regional dimension. The materials of the All-Russian Scientific Conference, 2–3 July 2009 / Ex. ed. I.V. Poberezhnikov. Ekaterinburg: IliA UrO RAN; BKI. Pp. 84–93.
- Borodkin L.I. (2016). Dynamics of the standard of living of Russian workers during the First World War: new approaches, new estimates // *Revue des études slaves*. Vol. 97. No. 2. Pp. 141–162.
- Brandt B.F. (1898). Foreign capital. Their influence on the economic development of the country. In 2 parts. SPb.: Kirshbaum.
- Bruzkus B.D. (1922). The agrarian question and the agrarian policy. Pg.: Pravo.
- Chelintsev A.N. (1928). Russian agriculture before the revolution. M.: Noviy Agronom.
- Datzishen V.G. (2007). The new history of Japan. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astafiyeva.
- Davydov M.A. (2003). Essays on the Agrarian History of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries (based on transport statistics and land management statistics). M.: RGGU.
- Davydov M.A. (2016). 20 years before the Great War. The Russian modernization of Witte–Stolypin. SPb.: Aleteya.
- Deynorov E. (2011). The history of Japan. M.: Astrel.
- Drobishev V.Z., Kovalchenko I.D., Muraviyev A.V. (1973). Historical geography of the USSR. M.: Vishaya shkola.
- Ermolov A.S. (1909). Our crop failures and the food issue. In 2 vol. SPb.: Kirshbaum. Vol. 2.
- From the archive S.Yu. Witte. Memories. (2003). SPb.: Dmitry Bulanin. Vol. 1. Stories in the stenographic record; Vol. 2. Handwritten notes.
- Gregory P. (1999). Search for truth in historical data // *Economic history*. Yearbook. P. 471–490.

- Gregory P. (2003). Economic growth of the Russian empire (late XIX – early XX century.) New estimates and estimates. M.: ROSSPAN.
- GUZiZ. (1914). The results of the work for the last five years (1909–1913). SPb.
- History of Japan. (1998). In 2 vols. M.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. 2.
- History of the USSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution. (1968). M.: Nauka. Vol. V–VI.
- Kafengauz L.B. (1994). Evolution of Russia's production (the last third of the nineteenth century - the 30s of the 20th century). M.: Epifaniya.
- Kofod A. (1914). Russian land management. SPb.: Selskiy vestnik.
- Kofod A. (1997). 50 years in Russia. M.: Prava cheloveka.
- Korelin A.P. (2009). Cooperation and the cooperative movement in Russia 1860–1917. M.: Rosspan.
- Kulikov S.V. (2009). «The revolutions invariably go from above...»: the fall of tsarism through the prism of the elitist paradigm. SPb.: Nestor.
- Lindner P. (2009). Businessmen and city in Ukraine: 1860–1914 gg. (Industrialization and Social Communication in the South of the Russian Empire). Kiev–Donetsk: «ID Kalmius».
- Litoshenko L.N. (2001). Socialization of land in Russia. Novosibirsk: Sibirskiy hronograf.
- Ministry of Finance. 1802–1902. (1902). In 2 vol. SPb.: Expeditia zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 2.
- Mironov B.N. (2012). The welfare of the population and the revolution in imperial Russia. XVIII – early XX century. M.: Ves mir.
- Polferov Y.Y. (1913). Working hands in agriculture. SPb.
- Proskuryakova N.A. (2002). Land banks of the Russian Empire. M.: ROSSPEN.
- Reported information on the activities of the Land Management Commissions on January 1, 1915. (1915). Pg.
- Reported information on the activities of the Land Management Commissions on January 1, 1916. (1916). Pg.
- Resettlement and land management beyond the Urals in 1914 (Report on the work of the Resettlement Department for 1914). (1915). Pg.: GUZiZ.
- Review of the activities of the GUZiZ for 1907 and 1908. (1909). SPb.
- Review of the activities of the GUZiZ for 1909. (1910). SPb.
- Review of the activities of the GUZiZ for 1910. (1911). SPb.
- Review of the activities of the GUZiZ for 1911. (1912). SPb.
- RGIA, f. 408, op.1, d. 957, l. 2.
- Sevasteyev V.V. (2008). Essays on the history of Japan. From Tokugawa Ieyasu to Hashimoto Ryutaro. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta.
- Shepelev L.Y. (1981). Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the XIX century. L.: Science.
- Summary statistics of transportation by Russian railways for 1903. (1905). Issue. 52. SPb.
- Summary statistics of transportation by Russian railways for 1913. (1915). Issue. 52. SPb.
- Teimes R. (2009). Japan. History of the country. M.: Eksmo; SPb.: Midgard.
- The report of the state savings banks on the savings operation for 1915. (1916). Pg.
- Tugan-Baranovsky M.I. (1997). Russian factory in the past and present. M.: Nauka.
- Tyukavkin V.G. (2001). Great-Russian peasantry and Stolypin's agrarian reform. M.: Pamyatniki istoricheskoy misli.